Через десять минут в палату вошли пожилой доктор и медсестра. Доктор был очень похож на профессора Преображенского из «Собачьего сердца», особенно борода и шикарные загнутые вверх усы, это меня немного рассмешило, была какая-то схожесть ситуации.

— Улыбаетесь, это хороший знак, — доктор подошел к моей кровати и присел на стул. — Я ваш лечащий врач Федоров Николай Васильевич, можете обращаться ко мне доктор Федоров. Как вы себя чувствуете, молодой человек?

— Вы знаете, доктор, на удивление хорошо, — я действительно чувствовал себя хорошо, несмотря на то, что пережило доставшееся мне тело. — Немного кружится голова, но, вероятно, из-за того, что я голоден, а в остальном все отлично.

— Ох и напугали вы свою бабушку, юноша, — доктор шутливо пригрозил пальцем. — Нужно быть аккуратным на катке. Хорошо, ваши друзья не оплошали и смогли вызвать скорую помощь.

— А как я им благодарен, — невольно хмыкну. — Доктор, а долго мне лежать в больнице?

— А вы спешите, наверное, вернуться на учебу в школу? Похвально, молодой человек, — посмеиваясь, доктор встал со стула. — Но все же вы пробыли без сознания сутки, да и удар головой, так что недельку мы понаблюдаем за вашим самочувствием, ну а я пока продолжу обход других пациентов, коли нет у вас больше вопросов, ну а вам отдыхать и набираться сил.

Доктор уже подходил к двери.

— Есть у меня еще один вопрос, доктор, — дождавшись, когда он обернётся, сделал расстроенное лицо и с грустью в голосе спросил: — Доктор, это важно для меня, скажите, я теперь смогу играть на скрипке?

Доктор недоуменно посмотрел на меня, но я постарался вложить во взгляд надежду на положительный ответ.

— Да, конечно, молодой человек, — успокаивающе улыбнулся. — Мы еще будем гордиться, что лечили известного скрипача.

— Это я удачно тогда головой ударился, — с облегчением вытер несуществующий пот со лба.

Видя заинтересованный и не понимающий, в чем была удача, взгляд, пояснил:

— Просто до этой травмы я не умел играть, а теперь смогу.

Секунд десять была тишина, потом стоящая в углу палаты медсестра хрюкнула, пытаясь скрыть смех, вслед за этим раздался громогласный смех доктора, заставивший и меня улыбнуться от столь удачной шалости.

— Ох шельмец, — доктор, сняв очки, стал протирать глаза от выступивших слез. — Ну что же, вижу, с вами и действительно все в порядке, возможно, и недели не понадобится. Ну а сейчас отдыхайте, еду вам принесут в палату.

Доктор, издав очередной смешок, покинул помещение.

Через пару часов пришла моя бабушка. Анна Николаевна была в молодости светской львицей, трижды выходила замуж. Первым ее мужем был профессор геолог, но они прожили вместе недолго из-за ревности мужа. Вторым мужем был музыкант из московской филармонии (от него нам достался прекрасный рояль), погиб от рук грабителей, когда возвращался домой. В феврале двадцать седьмого бабушка вышла замуж за моего деда, тогда бывшего сотрудником ОТПУСК при СНК СССР . В январе двадцать восьмого у них родился мой отец — да, я их чувствую, как своих родителей, — который, кстати, пошел по стопам деда и погиб, будучи лейтенантом КГБ. Дед же за два года до него умер от инфаркта, будучи генералом КГБ. Сама бабушка работала в библиотеке, сначала это была библиотека Государственного Румянцевского музея, в последующем переименованная в Государственную библиотеку СССР им В.И. Ленина, и мне кажется, работает она в секретном отделе, ну или работала. Бабушка очень живой человек, и с ней мне очень легко общаться, и хоть она культурная женщина, но все ругательства в основном маленький Александр узнал от нее. Так же она обучала внука игре на фортепьяно, так как мелкий Сашка наотрез отказался идти в музыкальную школу, но вот саму музыку он любил и имел явный талант к ней, о чем расстроенно говорила Анна

Николаевна.

— Вот скажи мне, наказание господне, что ты забыл в парке на катке? Ты же не любитель коньков, — первое, что услышал от бабушки.

— Ну, я решил проверить, а вдруг понравится, — как-то даже промямлил, вспоминая причину, потянувшую меня на каток.

Это была Ольга Синицына, первая красавица и отличница класса. Бабушка же поняла мою заминку по-своему.

— Ох кобель, знаешь, чего я боюсь больше всего?

— Даже не представляю, — бабушка заинтересовала меня.

— То, что один раз к нам в подоле принесут ребенка, — бабушка смотрела на меня абсолютно серьезно, — и это будет не одна девушка.

— Я буду осторожен.

— То есть сказать: «Бабушка, я не такой» и что-нибудь про истинные чувства ты не хочешь?

— Не смею обманывать самого дорого человека на свете, — я не выдержал и улыбнулся во все двадцать восемь.

— Прям как твой отец, — махнула на меня рукой. — Ну, хоть есть надежда, что как и он найдешь ту, которую полюбишь по-настоящему. Я поговорила с врачом, тебя здесь

понаблюдают неделю.

— Да он мне говорил уже, хотя, как по мне, могли бы уже сегодня выписать.

— Врачу видней.

Наш разговор был прерван молоденькой симпатичной медсестричкой, обворожительные ножки из-под короткого халатика сразу привлекли мое внимание.

— Я принесла градусник, — голос был также приятен как и сама медсестра.

— У меня нет температуры, но ведь это вас не остановит проверить ее? — ухмыльнувшись, протянул руку за градусником.

— Положено, — придала голосу строгость, но вот глаза улыбались.

Девушка отдала градусник, и, пока она шла на выход, мой взгляд наслаждался ее нижними девяностыми. И только когда она закрыла за собой дверь палаты, я снова перевел взгляд на бабушку, которая пристально взглянула мне в глаза.

— Что? — сделал вид, что не понял ее взгляд.

— Я же говорила — кобель.

Я постарался состроить виноватый вид, но, не выдержав, улыбнулся.